

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

А.С. Барсенков*

«НОВОЕ МЫШЛЕНИЕ» ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ СССР (1985—1991)

Статья посвящена внешней политике СССР периода «перестройки». Рассмотрена трансформация доктринальных основ международной деятельности советского руководства во главе с М.С. Горбачевым. Проанализировано, как место двух базовых принципов внешней политики СССР — мирного сосуществования государств с различным общественным строем и пролетарского интернационализма — заняли два новых подхода: представление о единстве взаимозависимого мира и принцип «свободы выбора». Прослежено стремление советского лидера придать доктрине «нового мышления» универсальный характер, прекратить состояние «холодной войны» и перейти к созданию нового мирового порядка. Показаны сложности восприятия новых идей как в СССР, так и за его пределами.

Ключевые слова: внешняя политика СССР, «перестройка», М.С. Горбачев, внешнеполитическая доктрина, «новое политическое мышление», «холодная война», разоружение.

К середине 1980-х годов в Советском Союзе и в мире сложились условия, диктовавшие неизбежность глубокой корректировки внешней политики СССР. К их числу следует отнести экономические последствия гонки вооружений и борьбы за влияние на мировой арене, а также обострение международной ситуации на рубеже 1970—1980-х годов, связанное с ракетным кризисом в Европе, вводом советских войск в Афганистан и массовыми антисоветскими волнениями в Польше [49, с. 7—137]. У руководства США было обоснованное искушение воспользоваться ослаблением СССР для изменения его внешней политики и внутреннего устройства. Из серии директив по национальной безопасности выделялась директива № 75 («Отношения США и СССР»), подписанная Р. Рейганом 17 января 1983 г. Именно в ней были перечислены меры противодействия «советскому империализму» в военной, экономической и идеологической сферах, направленные на «сдерживание, отбрасывание советской экспансии и содействие эволюционным изме-

* Барсенков Александр Сергеевич — д.и.н., профессор кафедры отечественной истории XX века исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: barsenkov@yandex.ru).

нениям внутри Советского Союза». Положения данного документа были развиты в предложениях Госдепартамента США (меморандуме госсекретаря Дж. Шульца «Американо-советские отношения в 1983 г.» от 19 января 1983 г., докладных записках посла в СССР Дж. Мэтлока), содержавших рекомендации интенсифицировать диалог с Москвой и сосредоточиться преимущественно на экономическом и правовом давлении на Советский Союз, акцентировав тему нарушений прав человека. Собственные предложения по развитию советско-американских отношений были представлены и ЦРУ [42, с. 59—61; 54, с. 596—606].

В самом СССР состояние общества к началу 1980-х годов было кризисным (или предкризисным), прежде всего из-за снижения темпов экономического роста и стагнации в социальной сфере. Однако «главными» были другие два кризиса: идеологический и политический. Пронизывавший программные и директивные документы догматизм препятствовал критическому осмыслению внутренних и международных реалий. Политический кризис проявлялся в неспособности и неготовности находившегося у власти одряхлевшего поколения «молодых сталинистов» встроить государство в давно изменившийся мир.

В 1985 г. СССР возглавил новый, амбициозный лидер. Однако одной политической воли для преодоления кризиса системы было недостаточно, представления же о том, что и как менять, не сложились и сложиться не могли [4, с. 38]. Позднее один из соратников М.С. Горбачева признавался, что реформы «не были подготовлены в плане идейно-теоретическом и организационно-прикладном», и «концепция перестройки и практика во многом является чистой импровизацией» [50, с. 168—171].

Политика «перестройки» получила определенное отражение в исторической науке, однако массовые представления о том времени по-прежнему формируют публицисты. Действиям СССР на международной арене внимания ученых уделено еще меньше: основные вехи обозначены в общих очерках [31; 56], учебной литературе [25], юбилейных изданиях [1; 44]. Важные наблюдения содержатся в мемуарах политиков и дипломатов, участвовавших в осуществлении советской внешней политики тех лет. Однако научное осмысление темы только начинается.

Анализ событий 1985—1991 гг. позволяет выделить два крупных этапа в разработке и реализации политики «нового мышления». Первый этап охватывает время с марта 1985 г. (избрания М.С. Горбачева генеральным секретарем ЦК КПСС) до декабря 1988 г. (его выступления в ООН) и характеризуется *формированием базовых принципов* «нового мышления» и *началом изменений* в советской

внешней политике на их основе. Второй этап приходится на период с января 1989 г. по декабрь 1991 г. и знаменует собой *перестройку внешней политики* Советского Союза на основе доктрины «нового мышления». В данной статье мы коснемся изменений концептуальных основ международной деятельности советского руководства в рамках первого из выделенных этапов.

Часть 1. Формирование доктрины: 1985—1988 гг.

Нормализация отношений с Западом требовала от руководства СССР проведения гибкой внешнеполитической линии. Надежды на это как в Советском Союзе, так и за его пределами стали связывать с М.С. Горбачевым, в марте 1985 г. сменившим К.У. Черненко на посту генерального секретаря ЦК КПСС. Нового лидера, представлявшего третье поколение советской политической элиты, с интересом воспринимали на Западе. Уже в декабре 1984 г. М. Тэтчер после знакомства с М.С. Горбачевым отметила, что наконец-то в СССР появился человек, с которым можно иметь дело, и призвала своих коллег отнестись к нему с вниманием [42, с. 31].

13 марта 1985 г. в Кремле состоялись краткие встречи М.С. Горбачева с главами делегаций США, Великобритании, Франции, ФРГ, Японии, Китая. Беседуя с каждым из иностранных представителей, советский руководитель неоднократно подчеркивал необходимость возобновления диалога и преодоления напряженности в международных отношениях. Он заявлял, что СССР намерен проводить ответственную, конструктивную внешнюю политику, учитывающую интересы каждого государства, и не будет стремиться к военному превосходству. Касаясь темы вооружений, М.С. Горбачев повторял слова, сказанные им незадолго до этого на пленуме ЦК КПСС: «СССР готов к действительным и очень крупным сокращениям стратегического оружия» [17, с. 208—210]. Несмотря на то что подобные высказывания по форме мало отличались от прежних советских заявлений, они внушали западным лидерам определенный оптимизм. Так, в последовавшей по итогам встречи в Кремле телеграмме Р. Рейгану вице-президент США Дж. Буш охарактеризовал советского руководителя следующим образом: «Горбачев будет представлять советскую линию для Запада более эффективно, чем любой (повторяю, любой) из его предшественников. У него обезоруживающая улыбка, теплый взгляд и подкупающая манера: сказав что-то малоприятное, сразу отступить, чтобы не потерять контакта со своим собеседником. Но он может быть очень твердым» [6, с. 16].

Для того чтобы рассеять традиционное недоверие зарубежных коллег и убедить их в серьезности намерений Москвы, руководство

страны предприняло решительные действия, призванные продемонстрировать реальное, а не декларативное миролюбие советской политики: серию односторонних шагов в области ограничения вооружений. Впоследствии М.С. Горбачев назвал это «тактикой стимулирования партнера»: своими действиями лидер рассчитывал «втянуть» западные страны в ответные инициативы [46, с. 219]. Одной из первых мер в данном направлении стало введение в начале апреля 1985 г. моратория на развертывание советских ракет средней дальности (РСД) в Европе сроком до ноября 1985 г. В заявлении по этому поводу было отмечено, что если США согласятся на аналогичные действия, мораторий станет постоянным [51, 08.04.1985]. В том же месяце последовало подтверждение советского заявления 1982 г. о готовности не применять первыми ядерное оружие [51, 30.04.1985]. Следующим шагом стало установление Советским Союзом с 6 августа 1985 г. одностороннего моратория на ядерные испытания сроком до 1 января 1986 г. (впоследствии этот срок дважды продлевали в одностороннем порядке — в январе и августе 1986 г.) [51, 29.07.1985]. В США «с пониманием» отнеслись к подобным действиям Москвы, однако от встречных шагов воздержались.

Важным сигналом перемен во внешнеполитической сфере стало назначение 2 июля 1985 г. на должность министра иностранных дел СССР руководителя грузинской парторганизации Э.А. Шеварднадзе, международный опыт которого был явно ограничен. Выдвижение Э.А. Шеварднадзе не было случайным: М.С. Горбачева не устраивал консервативный стиль дипломатии А.А. Громыко. Как отмечал А.С. Грачев, новому генеральному секретарю во главе внешнеполитического ведомства нужен был человек, не связанный с прежним министром ни профессиональными, ни личными обязательствами, а потому способный противостоять очевидному стремлению последнего и дальше влиять на работу МИД (в числе вероятных преемников называли Г.М. Корниенко, А.Ф. Добрынина, Ю.М. Воронцова, многие годы работавших с А.А. Громыко) [24, с. 607; 18, с. 102; 55, с. 424]. Предложение М.С. Горбачева назначить Э.А. Шеварднадзе оказалось для бывшего министра неожиданным: безуспешно попытавшись переубедить генерального секретаря, он формально его поддержал. В беседе с сыном А.А. Громыко высказался более жестко: «В своей жизни я давно не испытывал такого удивления, а затем раздражения, как от решения Горбачева о новом министре иностранных дел. <...> Я понял, что Горбачев про себя этот вопрос решил окончательно, он со мной не советовался, а просто просил поддержать замену. <...> В то же время я считал, что Шеварднадзе не подготовлен к тому, чтобы профессио-

нально вести работу министра иностранных дел». М.С. Горбачева же недостаток опыта у Э.А. Шеварднадзе не смущал — наоборот, он подчеркивал, что такой выбор призван обеспечить «свежий» взгляд на внешнюю политику СССР, тем более что назначенному министру «присущи чувство нового, смелость, оригинальность подходов» [7, с. 20; 19, с. 233—234; 21, с. 101—102]. Фактически центральной фигурой внешней политики становился сам М.С. Горбачев.

Изменение советской внешнеполитической доктрины потребовало перестройки структуры МИД. Были созданы новые подразделения: Управление социалистических стран Европы, Управление оценок и планирования, Управление по работе с советскими посольствами, Отдел по вопросам мирного использования ядерной энергии и космоса. В 1986 г. в МИД было образовано Управление по проблемам ограничения вооружений и разоружения (УПОВР), которое возглавил посол В.П. Карпов. В ведение новой структуры была передана вся разоруженческая проблематика, которую раньше разрабатывали другие подразделения министерства [44, с. 440, 452].

По воспоминаниям О.А. Гриневского, с первых же дней на новом посту Э.А. Шеварднадзе проявил недюжинную работоспособность: «во внешнюю политику он вгрызлся как в гранит зубами. Но при этом и вида не показывал, как тяжело ему приходится». Уже на пятый день руководства министерством Э.А. Шеварднадзе имел «весьма четкое представление о том, какую политику он станет проводить, с кем станет встречаться и о чем договариваться. Другое дело — правильным ли было это видение. Но оно наверняка обговаривалось с Горбачевым» [19, с. 241]. Э.А. Шеварднадзе пользовался доверием главы партии и умело задействовал этот ресурс [32].

Перестраивались и другие связанные с внешней политикой структуры. В рамках аппарата ЦК КПСС существовал Международный отдел (до 1986 г. им руководил Б.Н. Пономарев), однако в период пребывания на посту министра иностранных дел А.А. Громыко центром разработки и реализации внешнеполитического курса СССР был МИД, и влияние отдела было ограничено.

Весной 1986 г. М.С. Горбачев решил кардинально изменить эту ситуацию: во главе Международного отдела был поставлен опытный советский дипломат А.Ф. Добрынин (в 1988 г. его сменил В.М. Фалин). По замыслу генерального секретаря, отдел должен был стать «мозговым центром» политики «нового мышления», штабом формирования новых идей и играть значительную роль в их реализации. О задуманной перестройке можно судить по записке нового помощника М.С. Горбачева по международным вопросам А.С. Черняева, представленной 11 апреля 1986 г. В документе было

отмечено, что «необходимо изменить функции и профиль Отдела, переориентировать его с частных проблем (отношения с партиями и движениями) на всю международную политику. При этом приоритеты должны быть расставлены следующим образом: мировая политика, вопросы борьбы за предотвращение войны, разоружение, “разрядка”, основные внешнеполитические направления деятельности ЦК, проблемы “третьего мира”». А.С. Черняев считал, что Международный отдел должен принимать участие в подготовке решений по указанным проблемам на всех стадиях (проектов и постановлений, крупных пропагандистских политических акций), совместно с другими отделами готовить предложения по принципиальным вопросам идеологической борьбы на международной арене, а также наблюдать за осуществлением внешнеэкономической деятельности, координировать и руководить работой всех ведомств страны, имеющих отношение к принятию внешнеполитических решений [5, с. 153—156]. Фактически это означало появление во многом конкурировавшего с МИД ведомства.

Аналитической поддержкой идее «нового мышления» занимались крупнейшие академические структуры, важнейшими среди которых были три подразделения Академии наук СССР (Институт США и Канады, директор — Г.А. Арбатов; Институт мировой экономики и международных отношений, директора: с 1983 по 1985 г. — А.Н. Яковлев, с 1985 г. — Е.М. Примаков; Институт экономики мировой социалистической системы, директор — О.Т. Богомолов), а также Институт общественных наук ЦК КПСС (руководитель — Ф.М. Бурлацкий).

Таким образом, советская внешнеполитическая доктрина складывалась из наработок соответствующих профильных ведомств и учреждений и вырабатывалась при непосредственном участии генерального секретаря и его ближайшего окружения. Одновременно со сменой министра иностранных дел в МИД началась форсированная подготовка «мирного наступления», для реализации которого была запланирована мощная пропагандистская кампания. Ее главным адресатом должен был стать Запад, а целью — создание нового, привлекательного имиджа СССР и его внешней политики. Пропагандистское обеспечение доктрины «нового мышления» осуществляли журналисты, публицисты, ученые, которые сопровождали генерального секретаря в зарубежных поездках, участвовали в международных форумах и встречах с западными партнерами. Такая линия получила яркие образные названия — «народная дипломатия» и «интеллектуальный десант». «Единственный механизм воздействия на американцев, — говорил на встрече с дипломатами в декабре 1985 г. М.С. Горбачев, — это давление общественности.

Наши инициативы должны создавать для этого благоприятную атмосферу. Если даже не удастся договориться, все равно окажем влияние в нужном направлении» [19, с. 242, 314, 333].

Новым шагом советской дипломатии стала попытка смены традиционных приоритетов. Разрабатывая программу предстоявших государственных визитов М.С. Горбачева за рубеж, в МИД пришли к убеждению, что начинать вести диалог следует не с Соединенными Штатами, а с Европой. «С американцами определенно не удастся договориться, нужно искать пути сближения через Францию, Англию и другие европейские страны», — разъяснял политику МИД Э.А. Шеварднадзе. По замыслу советской стороны, демонстрация Вашингтону возможности европейцев договариваться с Москвой с опережением по отношению к США оказала бы на американское руководство нужный, «отрезвляющий» эффект перехвата инициативы [19, с. 240, 244]. Этому предшествовали неоднократные заявления советского лидера о том, что теперь СССР не смотрит на мир исключительно через призму отношений с Соединенными Штатами и будет больше внимания уделять другим государствам, среди которых особенно часто М.С. Горбачев упоминал страны Европы.

Смену приоритетов во внешней политике поддерживали и крупные советские ученые. Г.А. Арбатов полагал, что попытки вести переговоры с Р. Рейганом ошибочны, так как ни к чему не приведут, поэтому единственно правильной, по его мнению, политикой для Советского Союза стали бы отказ от участия во встречах с американским президентом и переключение внимания на других западных лидеров [41, с. 150]. По признанию А.С. Черняева, смена приоритетов была призвана поощрять противоречия в НАТО и осуществлять пропагандистское давление на «глобалистскую» политику США, но вместе с тем и содействовать разоружению, именно с европейцами добиваясь первых «прорывов» на переговорах. Это не было не замечено американцами. Дж. Бейкер позже отмечал, что первоначально М.С. Горбачев основывал свою стратегию на задачах раскола НАТО и «выдавливании» США из Европы [63, р. 70].

Несмотря на то что открыто против европейского курса на Смоленской площади никто не выступал, его эффективность некоторые дипломаты ставили под сомнение. Их позицию резюмировал О.А. Гриневский: «На дипломатических переговорах, как в бизнесе, — дело делать надо с хозяином, а не с подмастерьями. В НАТО США признанный лидер, с ним и надо договариваться. Конечно, с европейскими членами НАТО разговаривать тоже нужно. Через них можно многое узнать, прозондировать, запустить нужные нам идеи. Но никто из них <...> не станет вести переговоры от имени всего союза» [19, с. 244].

Проводником нового европейского курса стал заместитель министра (с 1986 г. — первый заместитель министра) иностранных дел А.Г. Ковалев, руководивший подготовкой первого зарубежного визита М.С. Горбачева в качестве генерального секретаря во Францию. Эта страна была выбрана неслучайно: именно Пятая республика вместе с СССР стояла у истоков «разрядки» конца 1960-х — первой половины 1970-х годов. Визит в Париж должен был символизировать поворот к новым отношениям. Кроме того, Франция демонстрировала бо́льшую, чем остальные союзники Вашингтона, самостоятельность своей внешней и оборонной политики, что, по мнению советской стороны, позволяло ей пойти дальше других европейцев в переговорах с СССР.

Визит М.С. Горбачева во Францию 2—4 октября 1985 г. привлек широкое общественное внимание. Советский лидер, разительно отличавшийся от своих предшественников, подкупил французскую публику обаянием и непривычной для деятеля столь высокого ранга свободной манерой общения. Выступая в Париже, он выдвинул несколько важных внешнеполитических инициатив.

Во-первых, Советский Союз брал на себя обязательство сократить количество своих ракет «СС-20», установленных в Европе, до 243 единиц (что точно бы соответствовало уровню июня 1984 г. — времени, когда началось их дополнительное размещение). В связи с этим было отмечено, что СССР считает возможным заключение соглашения по РСД в Европе отдельно от проблемы космических и стратегических вооружений. Таким образом, Москва демонстрировала готовность отказаться от «линии Громыко», в соответствии с которой вопросы сокращения РСД, инспекций на местах, а также размещения стратегических и оборонных вооружений следовало непременно обсуждать единым «пакетом».

Во-вторых, М.С. Горбачев, используя предоставленную в Париже трибуну, обратился к руководству США с призывом к взаимным сокращениям на 50% ядерных вооружений, способных достичь территории друг друга.

В-третьих, советский лидер заявил, что СССР готов пойти на обмен с Западом ежегодными планами уведомляемой военной деятельности. Это было беспрецедентным по тем временам решением, против которого долгое время выступали советские военные. Поясняя, М.С. Горбачев отметил, что данное предложение поможет преодолеть подозрительность и затруднит проведение скрытой подготовки к войне как с одной, так и с другой стороны [12, с. 462—465].

М.С. Горбачев и Ф. Миттеран пришли к взаимопониманию в вопросе о Стратегической оборонной инициативе (СОИ). Фран-

цузский президент прямо заявил: «Что касается Франции, то я уже сказал: она не участвует в этом, она не стремится к этому, она хочет посвятить себя мирным исследованиям космоса». В то же время отмежевываясь от позиции США в отношении сохранения РСД Ф. Миттеран не стал. В Париже М.С. Горбачев огласил основу нового европейского курса СССР — идею строительства «общеевропейского дома», сославшись на высказывание Ш. де Голля о Европе «от Атлантики до Урала». «Мы с вами живем в Европе <...>, — говорил советский руководитель. — Мы живем в одном доме, хотя одни входят в этот дом с одного подъезда, другие — с другого подъезда. Нам нужно сотрудничать, налаживать коммуникации в этом доме» [12, с. 441, 462—465, 477].

Выдвинутые во Франции предложения советский лидер обсуждал на первой официальной встрече с Р. Рейганом, состоявшейся в Женеве 19—21 ноября 1985 г. Именно она положила начало серии советско-американских саммитов, которые стали проходить на регулярной основе в последующие годы.

К этой встрече лидеров двух стран, первой после 1979 г., было приковано пристальное внимание всего мира, для ее освещения съехались 3500 журналистов. В центре переговоров была проблема ракетно-ядерного разоружения, однако стороны не смогли договориться по важнейшему вопросу — о СОИ. Р. Рейган настаивал на том, что это «лучший путь», и Советскому Союзу его не следует опасаться, а также выдвинул идею «открытых лабораторий», заявив, что после того, как технология будет отработана, США предоставят ее СССР. Такие предложения были отвергнуты М.С. Горбачевым. Не более конструктивно завершились дискуссии и по другим направлениям переговоров: о сокращении на 50% достигающих территории друг друга СНВ, контроле над вооружениями, региональных конфликтах, правах человека.

Разногласия в формулировках на стадии подготовки итогового совместного заявления лидеров двух стран (с советской стороны участвовали Г.М. Корниенко и А.А. Бессмертных) привели к вмешательству М.С. Горбачева в этот процесс. «Все сводится к спору о словах. “Проблему” сняли. <...> Так за 15 минут решили все “проблемы”. <...> Так вот приходилось преодолевать традиционный стиль нашей дипломатии», — вспоминал он [12, с. 74, 76]. В конечном тексте итогового заявления было провозглашено, что обе стороны стремятся к сокращению на 50% ядерных вооружений, запрещению химического оружия. Соединенные Штаты согласились включить в текст документа положение, содержавшееся в советско-американском заявлении от 8 января 1985 г., о том, что нужно предотвратить гонку вооружений в космосе и прекратить ее

на Земле, ограничить и сократить ядерные вооружения и укрепить стратегическую стабильность. Советская делегация, в свою очередь, приняла американские формулировки о необходимости предотвращения любой войны между двумя странами (как ядерной, так и обычной) и «решения гуманитарных вопросов в духе сотрудничества».

Несмотря на то что по всем основным вопросам на встрече в Женеве договориться не удалось, ее результаты были оценены оптимистично. Стороны фактически отказались от практики длительных, занимавших несколько лет предварительных проработок двусторонних договоров на уровне военных экспертов, как это было в 1960-е и 1970-е годы. Это ускорило процесс выработки соглашений, что, однако, не всегда позволяло полностью просчитать все их последствия. Советско-американский диалог к началу 1986 г. был возобновлен. С того времени, как отмечал А.С. Черняев, СССР вновь сделал ставку на приоритетность взаимодействия с США [60, с. 78; 19, с. 395—396].

В 1986 г. Москва продолжила свое «мирное наступление». 15 января М.С. Горбачев выступил с программным заявлением о ликвидации ядерного оружия во всем мире к 2000 г. «Советский Союз предлагает, действуя поэтапно и последовательно, осуществить процесс освобождения Земли от ядерного оружия в течение ближайших 15 лет, до конца нынешнего столетия», — сказал советский лидер. Произойти это должно было в три этапа.

На первом этапе (в течение 5—8 лет) нужно было сократить вдвое ядерные вооружения СССР и США, достигающие территории друг друга, при условии взаимного отказа от создания, испытаний и развертывания ударных космических вооружений. Одновременно следовало ликвидировать советские и американские РСД в европейской зоне. При этом Великобритания и Франция должны были взять обязательство не наращивать свои ядерные вооружения, а США — не поставлять его в другие страны. На втором этапе (5—7 лет) к ядерному разоружению помимо СССР и США должны были подключиться остальные ядерные державы; тогда же следовало ликвидировать тактическое ядерное оружие — ракеты малой дальности (РМД) и другие ядерные средства дальностью меньше 1000 км. На третьем этапе должна была завершиться ликвидация всего оставшегося ядерного оружия. При этом контроль за уничтожаемыми и ограничиваемыми вооружениями на всех этапах было предложено осуществлять как национальными техническими средствами, так и путем инспекций на местах. В заявлении было также отмечено, что СССР готов договариваться и о любых других дополнительных мерах контроля [13, с. 133—136].

М.С. Горбачев высоко оценивал озвученную им «программу», считая ее реалистичной. Он неоднократно подчеркивал, что появление подобных предложений свидетельствует о торжестве новых подходов советского руководства к международной политике. Однако предложения эти были настолько радикальными, что на Западе сомневались в их искренности. К такому выводу подводила форма их выдвижения: программа была опубликована практически одновременно с вручением послания Р. Рейгану, тогда как о столь серьезных инициативах было принято информировать другую сторону заранее и по соответствующим каналам. Это укрепило подозрения американцев в том, что советского руководителя в большей степени интересует пропаганда, чем непосредственно сами переговоры [42, с. 74].

Оценивая реалистичность сделанных М.С. Горбачевым предложений, большинство экспертов (не только на Западе, но и в СССР) считали, что в полной мере они неосуществимы. Мнение многих советских дипломатов и военных по этому вопросу О.А. Гриневский в беседе с коллегами резюмировал так: «Эффективно для публики, но несерьезно для дела» [19, с. 322].

Важной вехой в становлении новой советской внешнеполитической доктрины стал XXVII съезд КПСС (февраль — март 1986 г.). Выдвинутые на нем идеи звучали и ранее, но впервые они были представлены в качестве достаточно целостной концепции. По мнению М.С. Горбачева, решения съезда подвели черту под «прологом» к «новому мышлению» и означали переход к активному, наступательному внедрению новых принципов и методов в мировые дела [17, с. 216]. Вместе с тем говорить о том, что весной 1986 г. внешнеполитическая доктрина СССР приобрела окончательный вид, нельзя.

К подготовке международного раздела доклада М.С. Горбачева съезду были привлечены Министерство иностранных дел, Международный отдел ЦК КПСС, Министерство обороны, а также использованы разработки академических институтов. В январе 1986 г. предложения для съезда обсуждали участники заседания Политбюро, после чего формулировки «оттачивало» ближайшее окружение М.С. Горбачева. Важную роль в этом процессе играл А.Н. Яковлев, «раздвигавший» привычные рамки толкования марксизма [7, с. 28—29; 18, с. 176; 16, с. 177]. 22 февраля, накануне съезда, М.С. Горбачев собрал совещание в «узком» составе (присутствовали А.Н. Яковлев, А.И. Лукьянов, А.С. Черняев, В.А. Медведев, В.И. Болдин) для обсуждения итоговых положений международного раздела доклада. По результатам совещания А.С. Черняев отметил, что у главы партии уже в основном сложились представления

о контурах «нового мышления», однако оно по-прежнему «было сильно заражено идеологической, классово-мифологией, во многом исходило из уже тогда устаревших оценок реального положения дел». Этим были обусловлены, по мнению А.С. Черняева, «половинчатость», «смесь старого и нового» в выступлении М.С. Горбачева на съезде [60, с. 68]. Более важным, однако, представляется то, что поиск новых идей и подходов к выстраиванию внешней политики СССР продолжался.

Главной теоретической новацией международного раздела доклада М.С. Горбачева стала идея *единого взаимозависимого мира*. Такое понимание генеральный секретарь обосновывал глобальным характером вызовов и угроз и возможностью решить проблемы лишь совместными усилиями, отодвинув при этом противоречия между социализмом и капитализмом на второй план. Идея взаимозависимости и взаимосвязанности резко контрастировала с традиционными представлениями о том, что мировое развитие определяет борьба двух систем, которая, согласно теории мирового революционного процесса, в итоге необратимо приведет к торжеству коммунизма. Важнейшими международными проблемами М.С. Горбачев назвал наличие ядерного оружия и связанную с этим гонку вооружений, а поскольку, как отметил генеральный секретарь, уровень развития технологий не гарантирует неуязвимости ни одной из сторон, дальнейшее накопление вооружений не имеет смысла.

В качестве первоочередных мер в докладе были предложены следующие. Ядерные государства должны признать недопустимость ведения войны (как между собой, так и с третьими странами), предотвратить гонку вооружений в космосе, прекратить испытания ядерного оружия и начать переговоры о его полном уничтожении, пойти на роспуск военных группировок, предварительно отказавшись от их расширения и образования новых. Безопасность, по замыслу советского руководителя, должна быть только «равной» («одинаковой»), ее можно обеспечить «предельно низким уровнем стратегического баланса, из которого необходимо полностью исключить ядерное и другие виды оружия массового уничтожения». Уровень развития вооружений у стран должен находиться в пределах «разумной достаточности». Впервые об этом М.С. Горбачев заговорил еще в октябре 1985 г. во время своего визита во Францию. Тогда под «разумной достаточностью» он понимал такой уровень вооружений (прежде всего ядерных), который бы соответствовал некоторому промежуточному этапу на пути их полного уничтожения [12, с. 451]. Выступая на съезде, М.С. Горбачев заявил, что должны быть снижены «уровни военных потенциалов» всех государств.

К маю 1986 г. это понятие было конкретизировано до «оборонительной достаточности» («оборонной достаточности») и предполагало принятие во всех странах исключительно оборонительных военных доктрин [12, с. 248, 256].

Отношения с государствами советский лидер предлагал строить на многовекторной основе, заявив, что нельзя в мировой политике замыкаться на взаимодействии с какой-то одной, пусть и очень важной, страной. При этом руководствоваться необходимо соблюдением «баланса интересов», под которым генеральный секретарь понимал поиск взаимоприемлемых компромиссов между различными странами и отказ от «дипломатии с нулевой суммой», когда победа одной стороны непременно оборачивается поражением другой. «Баланс интересов», как отмечал М.С. Горбачев, — принцип взаимный, подразумевающий поиск общих подходов к существующим проблемам и совместную выработку мер по их преодолению [17, с. 210].

Готовность отказаться от конфронтационного мышления советское руководство продемонстрировало и в снижении уровня критики капитализма. Из новой Программы КПСС, утвержденной на XXVII съезде 1 марта 1986 г., было изъято определение «мирного сосуществования» государств с различным общественным строем как «специфической формы классовой борьбы». Положения, допускавшие (пусть и теоретически) возможность новой войны («В случае, если империалистические агрессоры все же осмелятся развязать новую мировую войну, народы не будут больше терпеть строй, ввергающий их в опустошительные войны. Они сметут и похоронят империализм» [51, 26.10.1985; 15, с. 151]), также были исключены из новой редакции Программы. Таким образом, Западу было продемонстрировано, что СССР готов серьезно изменить свой внешнеполитический курс и перейти не только к действительно мирному сосуществованию, но и к «сотворчеству», «соразвитию». Вместе с тем в Программе сохранялись традиционные для Советского Союза признание социализма и коммунизма более высокими стадиями развития общества, чем капитализм; интернациональная солидарность с коммунистическими и революционно-демократическими партиями, международным рабочим движением, национально-освободительной борьбой народов; призыв к решительному противодействию агрессивной политике империализма.

Отталкиваясь от идеи целостности и взаимозависимости мира, М.С. Горбачев призывал к созданию всеобъемлющей системы международной безопасности. Помимо военной сферы он предложил на взаимной основе осуществить комплекс мер и в других областях: в политической — уважать права каждого народа избирать

пути и формы своего развития, урегулировать международные кризисы и региональные конфликты, укрепить доверие между государствами и соблюдать неприкосновенность государственных границ; в экономической — отказаться от политики экономических блокад и санкций, если это не предусмотрено рекомендациями мирового сообщества, и способствовать установлению нового мирового экономического порядка, гарантирующего равную экономическую безопасность всех государств; в гуманитарной — сотрудничать в распространении идей мира, разоружения, международной безопасности, а также в области осуществления политических, социальных и личных прав человека, учитывая законы каждой страны [13, с. 256—258].

Зарубежные специалисты не без оснований усматривали сходство предложенной модели с базовыми принципами Устава ООН, принятого в 1945 г., а также с положениями Хельсинкского Заключительного акта 1975 г. [65, р. 319], которые по целому ряду вопросов стороны (прежде всего сверхдержавы) исполняли выборочно. Иными словами, перемены в советской риторике, по мнению западных политиков, еще не означали, что СССР будет и на практике следовать заявленным принципам [42, с. 74].

Получив от съезда одобрение проводимого курса, советское руководство пошло дальше в выработке новых подходов во внешней политике страны. Многие из них в более смелых (и резких) формулировках были озвучены на состоявшейся 23—24 мая 1986 г. «закрытой» конференции в МИД с участием ответственных работников ведомства и советских послов за рубежом. Это было этапное событие, после которого советская дипломатия заметно активизировала свою деятельность. Речь М.С. Горбачева (и то не полностью) была опубликована лишь в 1993 г., однако конференция неплохо освещена в мемуарных источниках [см., например: 33; 57].

Основной блок вопросов, поднятых на той встрече, был посвящен проблемам разоружения. М.С. Горбачев говорил о необходимости активизации переговоров на этом направлении. Без перераспределения военных расходов в гражданские сектора производства развивать отечественную экономику просто невозможно, подчеркивал советский руководитель, добавляя, что в этом смысле время работает против СССР. М.С. Горбачев прямо заявил, что социализм — это ошибка истории, заведомо отсталая экономика, и у советского общества нет перспективы [33, с. 482; 57, с. 245]. Дать такую «перспективу» и была призвана новая политика.

«У каждого государства, — отмечал генеральный секретарь, — собственные интересы. И если каждое государство будет преследовать только свои собственные интересы и не будет способно со-

трудничать, идти навстречу и иметь общие интересы — нет нормальных международных отношений». МИД был нацелен на поиск компромиссов, на более гибкую позицию в процессе переговоров [10, с. 54].

В этом контексте важна мысль М.С. Горбачева о том, что сохранение мира как высшей ценности имеет приоритет перед интересами рабочего движения. Таким образом, еще не публично, но уже вполне недвусмысленно был намечен отход от ставки на главенство классовых ценностей. Поиск общих интересов с западными государствами, говорил советский лидер, позволил бы СССР отказаться от одновременного противостояния всем противникам сразу и перейти на принципы «оборонительной достаточности». Военная мощь, развивал идеи генсека Э.А. Шеварднадзе на той же конференции, не сможет дать рационального ответа на новые вызовы и должна уйти в прошлое, уступив место экономическим, научно-техническим, валютно-финансовым факторам влияния [62, с. 103].

Важнейшим приоритетом в международной политике Советского Союза были названы отношения со странами социалистического лагеря. В то же время М.С. Горбачев признавал, что «по своему образу жизни они ничуть не уступают СССР и зачастую превосходят», а потому нельзя и дальше претендовать на монополию в том, что касается истины; нельзя осчастливить те народы, которые этого не хотят [33, с. 479]. Однако, по свидетельству А.С. Черняева, особого интереса к «социалистическому содружеству» у М.С. Горбачева уже тогда не было: «он без энтузиазма идет на контакты с лидерами соцстран, с трудом соглашается на визиты и явно не склонен демонстрировать свою “руководящую роль”» [60, с. 81].

На конференции М.С. Горбачев подверг резкой критике советские внешнеполитические структуры. Они, по его мнению, «идут не в ногу, отстают от замыслов и практических шагов нового руководства». Советская дипломатия должна быть «открытой», нужно использовать прессу, телевидение, проводить общественные дискуссии [33, с. 485]. Это недовольство вылилось в серьезные кадровые изменения.

Перестановки в МИД начались еще в июле 1985 г., когда многие дипломаты эпохи А.А. Громыко были постепенно «отодвинуты» на второй план, уступив место новым выдвиженцам. Однако массовый характер это явление приобрело к декабрю (сразу после саммита в Женеве). В конце апреля — начале мая 1986 г. в МИД, по выражению О.А. Гриневского, началась серьезная «кадровая чистка» под лозунгами борьбы с «семейственностью» и «протекционизмом». За период с 1985 по 1986 г. в ведомстве сменилось

35 послов, а к маю 1987 г. были заменены 7 из 9 заместителей министра, 7 из 10 послов по особым поручениям, 8 из 16 заведующих территориальными отделами, 68 из 115 послов [19, с. 350; 21, с. 116; 44, с. 437—445]. Новые послы были назначены в ведущие страны Запада.

Конференция в МИД стала рубежом, означавшим фактический «запуск» политики «нового мышления», после нее начались существенные подвижки на всех переговорных площадках, прежде всего за счет более гибкой линии министерства, что выразилось в *политике уступок*.

Проведение конференции и выводы, прозвучавшие на ней, совпали по времени с трансформацией термина «ускорение» в другой, более емкий — «перестройка». Применительно к внутренней политике это означало, что к концу весны 1986 г. у советского руководства «выкристаллизовались основные идеи и направления политики партии», мысль о необходимости комплексного и более глубокого реформирования. В июне 1986 г. на пленуме ЦК КПСС М.С. Горбачев говорил: «...мы пошли по пути коренной перестройки всех сфер жизни общества», необходима «глубокая, всесторонняя перестройка». Тогда же был поставлен знак равенства между «перестройкой» и «революцией» [3, с. 71]. Таким образом, разработка новой внешнеполитической стратегии находилась в контексте общего курса на углубление начатых в 1985 г. преобразований.

Летом 1986 г. Москва выдвинула «разоруженческие» инициативы, нацеленные на снижение бремени военно-промышленного комплекса. 10 июня 1986 г. на совещании Политического консультативного комитета Организации Варшавского договора в Будапеште М.С. Горбачев предложил проработать возможность сокращения Вооруженных сил НАТО и ОВД на 500 тыс. человек к 1990 г. Все это должно было сопровождаться инспекциями на местах и различными методами контроля [51, 11.06.1986]. Кроме того, был в третий раз продлен односторонний советский мораторий на ядерные испытания.

На этом фоне полным ходом шла подготовка к новой встрече советского и американского руководителей, запланированной на конец года в Рейкьявике. Стороны пытались выработать общие подходы к обеспечению безопасности, обсуждали допустимые для каждой из них уровни сокращений ядерных вооружений и меры, сопутствующие этому.

Встречу в Рейкьявике готовили на протяжении всего года: М.С. Горбачев и Р. Рейган регулярно обменивались посланиями, советский министр иностранных дел вел переговоры с американским госсекретарем. Осенью 1986 г. в Москве прошла серия совещаний

представителей различных ведомств, консультаций в «узком» составе по поводу предстоявшей встречи. В ходе одного из таких мероприятий 4 октября (присутствовали С.Ф. Ахромеев, А.Г. Ковалев, В.М. Чебриков, Л.Н. Зайков, А.С. Черняев) М.С. Горбачев так сформулировал цель Рейкьявика: необходимо «сорвать следующий этап гонки вооружений. Если мы этого не сделаем, опасность для нас будет возрастать. А не уступив по конкретным вопросам, пусть очень важным, мы потеряем главное. Мы будем втянуты в непосильную гонку и мы ее проиграем, ибо мы на пределе возможностей» [7, с. 83]. Идя на переговоры, М.С. Горбачев намеревался «ошеломить Рейгана смелостью» инициатив [60, с. 110].

Во-первых, советская сторона предлагала действительно глубокие (на 50%) сокращения каждого из трех видов стратегических наступательных вооружений СССР и США: межконтинентальных баллистических ракет (МБР), составлявших основу советской ядерной мощи, баллистических ракет на подводных лодках (БРПЛ), тяжелых бомбардировщиков (ТБ). При этом оба государства наполовину сократили бы как носители, так и боеголовки. Советский Союз также соглашался вывести за рамки переговоров американские ядерные средства передового базирования.

Во-вторых, СССР был готов пойти на полную ликвидацию советских и американских РСД в Европе при сохранении по 100 ракет в азиатской части Советского Союза и в США. Главной уступкой при этом был отказ от учета ядерных средств Великобритании и Франции, т.е. уничтожение ракет предложено было осуществить на двусторонней основе [2, с. 109].

В-третьих, по космическим вооружениям стороны должны были взять на себя обязательство не выходить из Договора по ПРО. Советские военные и дипломаты неоднократно настаивали на том, чтобы в этом вопросе М.С. Горбачев занял бескомпромиссную позицию: СССР и США должны соблюдать Договор в том виде, в котором он был подписан в 1972 г. [19, с. 475]. Однако еще на встрече двух лидеров в Женеве в 1985 г. советская сторона допускала возможность выхода из Договора через 15 лет. Эта же цифра была указана и в сентябрьском письме М.С. Горбачева Р. Рейгану [26, с. 111—114].

Все инициативы были взаимоувязаны: подразумевалось, что если одна из них «не пройдет», то общей договоренности не будет. Окончательный проект предложений был подготовлен С.Ф. Ахромеевым, Ю.В. Воронцовым, Г.М. Корниенко и представлен в Политбюро А.Ф. Добрыниным. 8 октября 1986 г. директивы к переговорам, не вызвав возражений, были утверждены Политбюро [7, с. 85—87].

На последовавшей 11—12 октября 1986 г. встрече в Рейкьявике сторонам удалось решить большинство спорных вопросов, касавшихся сокращения ядерного оружия. Этому способствовала тактика, избранная советским руководством: «...в отличие от наших прежних позиций не надо сразу же <...> обусловливать это сокращение договоренностью по космосу. Иначе — опять тупик» [60, с. 111]. По целому ряду пунктов оба лидера смогли найти компромиссные решения. Камнем преткновения, обрушившим наметившиеся договоренности, как и ожидалось, стало нежелание США отказываться от испытаний систем противоракетной обороны. Американский президент предлагал уничтожить в течение 10 лет все советские и американские МБР, оставив на вооружении обеих держав только РСД, но одновременно пойдя на создание систем СОИ, способных от таких ракет защитить. При этом, вновь подчеркивал Р. Рейган, СССР и США смогут использовать СОИ совместно. М.С. Горбачев от подобных предложений отказался, заявив, что запрет СОИ — принципиальное условие Москвы.

Надо отметить, что к середине 1980-х годов в СССР подходы к СОИ претерпели заметную эволюцию. Первоначально выдвигение Р. Рейганом данной инициативы было воспринято значительной частью высшего советского руководства не просто негативно, но и весьма нервно, чуть ли не истерично. Программа СОИ рушила недавно сложившиеся представления о мире, где с большим трудом удалось обеспечить определенное равновесие и стабильность [43, с. 4]. Однако, как отмечает активный участник разработки новых подходов к обеспечению стратегической стабильности А.А. Кошкин, отечественные ученые и специалисты, прежде всего в рамках деятельности «группы Велихова», в тот период сформулировали концепцию (доктринальную установку) и конкретные программы «асимметричного ответа» на американскую инициативу. Разработанная концепция была в конечном итоге принята руководством СССР [36, с. 85]. Так, уже в 1986 г. М.С. Горбачев, беседуя в узком кругу с членами Политбюро, признавал, что Советскому Союзу не следует опасаться СОИ, по крайней мере в ближайшей перспективе, поскольку и американцы далеки от завершения работ в этой сфере, и СССР есть чем на это ответить, асимметрично и дешевле по затратам [60, с. 74].

На встрече в Рейкьявике наметились существенные подвижки в советских подходах к вопросу о соблюдении прав человека. Это было связано с растущим давлением со стороны американцев, полагавших, что продвижение в гуманитарной сфере могло бы существенно облегчить переговорный процесс по другим проблемам [42, с. 60]. В Рейкьявике работала специальная группа переговор-

щиков, занимавшаяся обсуждением прав человека (советскую сторону возглавлял А.А. Бессмертных, американскую — Р. Риджуэй). Переговоры в этом направлении продвигались тяжело, однако по их окончании советская делегация впервые пошла на включение в текст итогового совместного заявления положения об обязательном внимании к проблеме с обеих сторон. С того времени тема прав человека стала обязательным элементом встреч глав государств и правительств двух стран [26, с. 92]. Следует отметить, что с сентября 1986 г. на уровне министров иностранных дел СССР и США существовала негласная практика передачи «списка отказников», т.е. перечня фамилий граждан, которым по тем или иным основаниям было отказано в праве выезда из Советского Союза. Прогресс по этому направлению в Рейкьявике во многом стал возможным из-за того, что Р. Рейган еще на стадии подготовки переговоров увязал само их проведение с обсуждением гуманитарных вопросов. В целом же начиная с 1986 г. Москва шла навстречу требованиям Запада в этой сфере. Летом 1986 г. в СССР была создана Комиссия по правам человека и гуманитарным вопросам, которая занималась изучением конкретных обстоятельств, связанных с положением советских правозащитников. В том же году были освобождены такие знаковые в диссидентских кругах и на Западе фигуры, как Н. Щаранский и А.Д. Сахаров. В январе 1987 г. советское руководство объявило о первой крупной волне освобождения политических заключенных (в течение первых трех месяцев свободу получили около 200 человек). К концу 1988 г. в СССР были освобождены все осужденные по политическим или религиозным статьям, а масштабы еврейской эмиграции оказались самыми высокими по сравнению с предшествовавшими годами — 2300 человек в ноябре и 3600 в декабре. В январе 1987 г. представитель МИД СССР Г. Герасимов объявил о прекращении глушения западных радиостанций, вещавших на СССР, за исключением «Свободы» и «Свободной Европы» [28, с. 247, 275].

Встреча в Рейкьявике вызвала огромный резонанс, прежде всего потому, что на высшем уровне была подтверждена возможность ликвидации ядерного оружия. Кроме того, были заявлены позиции, которые стороны могли принять, названы шаги, на которые Советский Союз был готов пойти. По этому поводу позже госсекретарь Дж. Шульц писал: «Уступки, которые Горбачев сделал в Рейкьявике, уже нельзя было забрать назад» [66, р. 775]. На пресс-конференции советский руководитель стремился представить прошедшую встречу победой: «При всем драматизме Рейкьявик — это не поражение, это прорыв, мы впервые заглянули за горизонт» [11, с. 32], а выступая 14 октября 1986 г. на Политбюро, добавил: «Рей-

кьявик — новый старт нашего массированного мирного наступления. Надо развивать новые подходы к нашей военной доктрине, включая строительство вооруженных сил, оборонную промышленность, возможный ответ на СОИ, который уже назрел» [7, с. 89].

Важным шагом в этом направлении стала подготовка новой советской военной доктрины. Задача была поставлена перед военными еще в начале 1986 г., и в декабре проект был одобрен Советом обороны. Доктрина получила название «оборонной достаточности» и состояла из двух частей — политической и военно-технической. В ней было провозглашено отсутствие у СССР агрессивных устремлений в военной политике, признана недопустимость как ядерной, так и обычной войны, предложено сокращение вооруженных сил и обычных вооружений в Европе до уровня, при котором ни одна из сторон, обеспечивая свою оборону, не имела бы средств ни для внезапного нападения на другую, ни для развертывания наступательных операций вообще.

В соответствии с этой доктриной Советский Союз считал США и страны НАТО вероятными противниками, поскольку они сами рассматривали Москву в этом качестве. СССР, как было отмечено, вынужден готовить вооруженные силы к ведению боевых действий с применением ядерного и обычного оружия, так как подобную подготовку осуществляет Североатлантический альянс. Вместе с тем советское руководство готово совместно с руководством США и стран НАТО предпринимать практические шаги по снижению военной угрозы в мире и в случае успеха на этом направлении проводить сокращения, в том числе односторонние, своих вооруженных сил, а также заменять определенные военные меры политическими. В случае агрессии против Советского Союза он отказывается от перехода к наступательным действиям, будет отражать нападение только в ходе оборонительных операций и стремиться ликвидировать военный конфликт политическими методами.

Стоит отметить, что военную доктрину подвергали критике и во время разработки, и после принятия данного документа. Основные упреки касались его «неконкретности», в частности размытого понимания термина «достаточность», критериев определения военно-стратегического паритета и дисбаланса вооружений. Как признавали военные, доктрина была разработана по поручению Кремля в сжатые сроки, что не могло не отразиться на ее качестве. Это, тем не менее, не помешало на ее основе принять 28 мая 1987 г. в Берлине новую военную доктрину ОВД [53, с. 42].

Важнейшим итогом советско-американского диалога стало подписание 8 декабря 1987 г. в Вашингтоне двустороннего Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (РСМД). Это

событие состоялось в первую очередь благодаря серьезным уступкам Москвы. При обсуждении возможности отказа от «пакетного решения» идею поддержали А.А. Громыко, А.Ф. Добрынин, Э.А. Шеварднадзе, Е.К. Лигачев; министр обороны С.Л. Соколов выступал решительно против. В феврале 1987 г. советское руководство «развязало» пакет переговоров с США по военным вопросам, выделив в отдельный переговорный блок проблемы ракет среднего радиуса действия и крылатых ракет [7, с. 151; 19, с. 526]. При этом речь шла об уничтожении всех советских и американских РСД за исключением 100 таких ракет у СССР (которые должны были сохраниться в азиатской части Советского Союза — в Сибири и на Дальнем Востоке) и 100 у США (которые американская сторона обязалась не размещать в Европе), но в ходе дальнейших переговоров решено было отказаться и от них. Такая мера получила название «глобальный ноль».

В апреле 1987 г. в ходе встречи с госсекретарем США Дж. Шульцем М.С. Горбачев выдвинул предложение обсудить сокращение РМД без «увязки» с переговорами по РСД, что не исключало возможности их одновременного завершения. Подготовкой рекомендаций к таким переговорам по поручению М.С. Горбачева занимались С.Ф. Ахромеев и А.Ф. Добрынин. Они составили записку, в которой изложили возможные позиции сторон и рекомендации. При этом С.Ф. Ахромеев специально подчеркнул, что американцы будут добиваться включения в перечень подлежащих сокращению РМД советской «СС-23» («Оки»), которая по советской классификации не считалась РМД, и на это нельзя соглашаться [19, с. 545]. Как свидетельствуют участники событий, непосредственно накануне переговоров «под прессом со стороны Горбачева, Зайкова, Шеварднадзе» Министерство обороны было вынуждено принять включение «Оки» в категорию РМД, но при условии ликвидации всех ракет — советских и американских — с дальностью полета в диапазоне от 400 до 1000 км. Характерна реакция на это Э.А. Шеварднадзе: «Что же получается? — негодовал он в кругу экспертов. — Из-за каких-то полсотни или там сотни километров мы не можем начать ликвидацию ракет, направленных нам прямо в сердце? Приступить к масштабной программе ядерного разоружения? Это и есть пример, когда копание в технических деталях застилает нашим военным горизонт. За деревьями, причем мелкими, не видят леса» [19, с. 545; 24, с. 656]. В ходе апрельских переговоров М.С. Горбачева с Дж. Шульцем «СС-23» была внесена в список ракет, подлежащих уничтожению. Тогда же советская сторона согласилась на ликвидацию всех своих РМД, размещенных в Чехословакии и ГДР (программа «двойной ноль»).

В июле 1987 г., когда на переговорах в Женеве СССР удалось добиться, чтобы в процессе ликвидации РСД в Европе были сняты американские ядерные боеголовки с 72 западногерманских ракет «Першинг-1А», стало возможным принятие решения о полной ликвидации советских и американских РСД и РМД (тех, что оставались у СССР в азиатской части страны, и тех, которые были у США) [51, 21.07.1987]. Такая договоренность получила название «двойной глобальный ноль». Против предложенного М.С. Горбачевым «третьего ноля», подразумевавшего ликвидацию тактического ядерного оружия (с дальностью полета до 500 км) американский президент решительно высказался в августе 1987 г.

Принципиальное согласие сторон заключить Договор по РСМД было достигнуто в сентябре 1987 г. в ходе визита Э.А. Шеварднадзе в Вашингтон, и в декабре документ был подписан. В соответствии с ним СССР и США должны были в течение 3 лет уничтожить все свои ракеты наземного базирования с радиусом действия от 500 до 5500 км — соответственно 1846 советских (889 РСД и 957 РМД) и 869 американских ракет (677 РСД и 169 РМД), а также средства их запуска (СССР ликвидировал 587 пусковых установок для РСД и 238 для РМД, США — 288 для РСД и 1 для РМД). Со стороны СССР уничтожению подлежали ракеты: «РСД-10», «Р-12», «Р-14» (в американской классификации соответственно «СС-20», «СС-4», «СС-5») и «ОТР-22», «ОТР-23» (известные в США как «СС-12» и «СС-13»). Со стороны США это были ракеты: «Першинг-2», «DGM-109G» и «Першинг-1А» [23]. Допустимость асимметричности сокращения объясняли тем, что арифметическая разница не полностью отражала реальное положение, поскольку ракеты обладали неодинаковой ценностью с точки зрения их стратегического расположения. Так, советские «СС-20», размещенные в Восточной Европе, не достигали территории США, тогда как американские «Першинги-2», расположенные в Западной Европе, создавали реальную угрозу для СССР.

В Договоре по РСМД впервые было зафиксировано согласие Москвы контролировать соблюдение его условий не только национальными техническими средствами (спутниками-«шпионами»), но и проведением инспекций на ракетных базах и в местах уничтожения ракет. Это стало возможно благодаря принятию на Стокгольмской конференции (17 января 1984 г. — 19 сентября 1986 г.) «второго поколения» мер доверия и безопасности в Европе, которые включали: снижение порога уведомления о предполагаемой военной деятельности (за 42 дня или более, если принимают участие свыше 13 тыс. человек; до того сообщали за 21 день в случае, если принимали участие свыше 25 тыс. человек); предоставление

информации по уведомляемой военной деятельности; инспекции на местах (последние до 1986 г. советское руководство расценивало как вмешательство во внутренние дела).

Таким образом, Договор по РСМД стал первым международным соглашением, которое предусматривало уничтожение целого класса вооружений (к 1 июня 1991 г. все ракеты, заявленные в документе, были ликвидированы) [8]. Заключенный между двумя государствами (СССР и США), договор не носил универсального характера: в нем не были прописаны обязательства по аналогичным сокращениям вооружений для третьих стран, которые таким оружием обладали, что в случае военной угрозы таило опасность стратегической уязвимости СССР и снижало вероятность симметричного ответа. Так, уничтожение советских ракет в азиатской части страны, служивших элементом обороны против американских военных баз в Японии и Индийском океане, осложняло стратегическую стабильность в регионе. В 2007 г. российский президент В.В. Путин заявил о возможности выхода из Договора по РСМД [52; 29]. В 1987 г. двусторонний характер документа был обусловлен тем, что, по мнению советского руководства, это был лишь первый шаг из намеченной СССР масштабной программы уничтожения ядерного оружия к 2000 г. Подобного «оптимизма» не разделяли ни США, ни другие ядерные державы. Последние, по неоднократным заявлениям их лидеров, не стремились лишаться собственных ядерных средств («надежного элемента сдерживания», как не раз отмечала М. Тэтчер), следуя в фарватере политики Москвы. Понимая вынужденный характер советских действий, западные державы не спешили вступать в «гонку разоружений».

Несмотря на то что американское направление доминировало в советской внешнеполитической стратегии, Москва интенсивно развивала диалог и с другими государствами, что нашло отражение в многовекторности внешней политики СССР в 1986—1988 гг.

Оздоровлению международных отношений в Европе должен был способствовать предложенный Советским Союзом проект «общеевропейского дома», проецировавший на европейский регион идеи создания всеобъемлющей системы международной безопасности и интенсивного сотрудничества. Содержание этого проекта М.С. Горбачев уточнил во время визита в Чехословакию в апреле 1987 г., где заявил, что понятие «общеевропейский дом» означает в первую очередь признание цивилизационной целостности государств «от Атлантики до Урала», принадлежащих к различным социальным системам и входящих в противоположные военно-политические блоки. Исходя из того, что любая война была бы для Европы губительной, М.С. Горбачев подчеркивал необходимость

снижения уровня противостояния в этом регионе и предлагал укреплять сотрудничество государств двух систем в экономической и гуманитарной сферах [10, с. 73]. В наиболее целостном виде концепция «общеевропейского дома» была изложена советским руководителем 6 июля 1989 г. в выступлении на сессии Парламентской ассамблеи Совета Европы в Страсбурге [51, 07.07.1989].

Озвученный проект подразумевал сосуществование и сотрудничество государств с различными политическими и социально-экономическими системами. Выстраивать новые отношения в Европе М.С. Горбачев предлагал с учетом интересов и позиций всех стран, «представленных всеми основными общественными и политическими силами» [51, 29.09.1988]. Это означало, что ведущую роль в этом процессе должно было играть Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе, членами которого также являлись США и Канада. М.С. Горбачев неоднократно подчеркивал, что нельзя оставлять эти два государства «на обочине» «общеевропейского дома», и в этом смысле данный проект был столь же ориентирован на США, сколько и на западноевропейские страны.

Основным адресатом высказанных советским лидером идей было названо «общественное сознание» [11, с. 72], что при всей яркости и привлекательности формулировок делало сам проект в первую очередь удачным пропагандистским ходом.

У новой «европейской» политики, однако, были и конкретные позитивные результаты, к которым можно отнести установление в июне 1988 г. официальных отношений между Советом экономической взаимопомощи и Европейскими сообществами, а в августе того же года — между СССР и Евросоюзом. Это положило начало переговорам о заключении рамочного соглашения о торговле, коммерческом и экономическом сотрудничестве между СССР и ЕС, которое было подписано в ноябре 1989 г. Активно развивался диалог со странами Западной Европы, прежде всего Великобританией, Францией, Западной Германией, Италией. Это привело к заключению двусторонних соглашений по целому ряду вопросов (о предотвращении инцидентов на море и в воздушном пространстве над ним, урегулировании взаимных имущественных и финансовых претензий, сотрудничестве в области образования, культуры, информации и т.п.).

Основополагающие принципы новой советской политики в Азиатско-Тихоокеанском регионе были изложены в двух выступлениях М.С. Горбачева: во Владивостоке в июле 1986 г. и в Красноярске в сентябре 1988 г. Советский лидер предложил создать такую систему безопасности и сотрудничества, которая отвечала бы интересам всех государств этой части света. В качестве первоочередных

действий в АТР были заявлены урегулирование региональных конфликтов, создание барьеров на пути распространения и наращивания ядерного оружия в Азии и на Тихом океане, уменьшение активности военных флотов в тихоокеанской акватории, радикальное сокращение вооружения и вооруженных сил в Азии до пределов разумной достаточности, а также обсуждение мер доверия и неприменения силы в регионе [47, с. 89; 9, с. 86]. На практике выполнение этих задач предполагало: свертывание советского военного присутствия в Восточной Азии посредством вывода войск из Монголии и сокращения численности сухопутных сил в восточных районах СССР; устранение «четырех препятствий» для нормализации советско-китайских отношений, обозначенных КНР (присутствие советских войск в Афганистане, вьетнамских — в Камбодже, наличие советского контингента в Монголии и на границе с Китаем); налаживание диалога с Японией и установление дипломатических отношений с Южной Кореей [4; 45].

В январе 1986 г. Э.А. Шеварднадзе, находясь с официальным визитом в Токио, внес изменение в позицию Москвы по спорной территориальной проблеме, признав ее наличие и заявив, что отныне Япония вправе поднимать на переговорах с СССР любые вопросы, включая территориальный. В отношениях между странами стало заметным стремление к созданию более благоприятной атмосферы. Так, откликаясь на просьбу японской стороны, Советский Союз разработал упрощенную процедуру посещения японскими гражданами мест захоронений их родственников в СССР, в том числе на территории Южных Курильских островов. В 1987—1988 гг. сторонами был подготовлен ряд соглашений о совместной работе в таких областях, как туризм, охрана окружающей среды и мирное использование космического пространства, а также об экономическом сотрудничестве, в том числе взаимном учреждении представительств банков.

Важнейшим международным документом в духе «нового мышления» стала советско-индийская Делийская декларация о принципах свободного от ядерного оружия и ненасильственного мира, подписанная в ноябре 1986 г. В ней стороны призывали к построению всеобъемлющей системы международной безопасности и осуществлению безотлагательных мер, направленных на разоружение [27, с. 426—429].

Следствием новой советской внешней политики стало свертывание конфронтации в «третьем мире». В апреле 1988 г. в Женеве была достигнута договоренность о выводе советских войск из Афганистана, и в феврале 1989 г. они покинули страну. В 1985—1988 гг. СССР изменил отношение к «революционным» режимам в Африке

и Латинской Америке: свернул сотрудничество в военной, экономической, культурной сферах, «урезал» предоставление материально-технической помощи.

Процесс нормализации отношений с окружающим миром диктовал необходимость дальнейшей корректировки советской внешнеполитической доктрины. Наряду с пересмотром содержания принципа «мирного сосуществования» произошел постепенный отход от приоритетности «классовых интересов». Однако это было выполнено достаточно осторожно, без характерной для новой политики спешки, и заняло около 3 лет.

М.С. Горбачев после избрания его на должность генерального секретаря делал упор на общие для всего человечества проблемы, которые необходимо решать совместными усилиями. В октябре 1986 г. на встрече с писателями он разъяснял, что В.И. Ленин ставил ценности общественного развития, общечеловеческие интересы выше интересов того или иного класса [37, 05.11.1986]. Отталкиваясь от такого понимания, советский руководитель заявлял, что «идеологические и политические разногласия должны отступить <...> перед приоритетом жизни и общечеловеческих ценностей» [51, 30.05.1987]. Наиболее открыто этот взгляд был проведен в 1987 г. в книге М.С. Горбачева «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира». Как было отмечено в ней, многообразие и взаимозависимость мирового сообщества диктуют необходимость перешагнуть «через то, что нас разделяет, ради общечеловеческих интересов, ради жизни на Земле». При этом советский лидер уже прямо писал: основа политики «нового мышления» — приоритет общечеловеческих ценностей, которые стоят выше классовых [15, с. 141, 150].

Свои новые представления М.С. Горбачев и его команда отстаивали на проходивших в июле 1988 г. конференциях — XIX партийной и мидовской [51, 28.07.1988]. К тому времени разногласия в руководстве страны по существу проводимой политики вышли на поверхность, происходило реальное размежевание. Команда «реформаторов» (М.С. Горбачев, А.Н. Яковлев, Э.А. Шеварднадзе, В.А. Медведев) заявляла об отказе от классовой борьбы, «консерваторы» же полагали, что в международных отношениях следует руководствоваться исключительно классовым подходом. Эту позицию отстаивал второй человек в партии — Е.К. Лигачев. В «Правде» вышла его статья, в которой было сказано: «Мы исходим из классового характера международных отношений. <...> Активное участие в разрешении общих для всего человечества проблем не должно давать повода притормаживать борьбу за социальное и национальное освобождение» [51, 04.08.1988].

По мере нарастания «консервативной» критики М.С. Горбачев начал высказываться более бескомпромиссно. Во время поездки в Красноярск в сентябре 1988 г. он заявил, что интересы пролетариата «совпадают вообще с интересами трудящихся, а в широком плане со всеми прогрессивными интересами того или иного общества» [51, 16.09.1988]. Из этого следовало, что не нужно противопоставлять ценности одной общественной системы ценностям другой, поскольку они близки. Таким образом, в 1988 г. в идеологии наметился переход к единой с западным миром ценностной системе координат. В этом контексте на официальном уровне в СССР все чаще появлялись высказывания о неизбежности деидеологизации международных отношений [38, с. 28—33]. Фактически же речь шла об их «переидеологизации», а теоретической основой этого становились идеи «нового мышления».

Важной вехой в пропаганде новой советской политики стал выход указанной книги М.С. Горбачева в 1987 г. В ней были в наиболее целостном виде представлены идеи и принципы, нашедшие отражение во внутри- и внешнеполитическом курсе страны. Главный смысловой заряд книги состоял в том, что «новое мышление» глава партии рассматривал в качестве всеобщей, универсальной основы международных отношений (этим и обусловлена вторая часть названия — «и для всего мира»). По мнению советского лидера, другие государства последуют за СССР в деле реформирования их внешнеполитических позиций, взяв за основу идеи, составлявшие содержание «нового мышления».

Объясняя замысел советских преобразований и анализируя их первые результаты, М.С. Горбачев апеллировал к общественному мнению других стран. По мысли генсека, оно должно было воздействовать на свои правительства в деле дальнейшей нормализации диалога между различными государствами, поэтому книга одновременно вышла в СССР и на Западе. С 1987 г. термин «перестройка» советское руководство все чаще стало применять к международным отношениям. В 1988 г. М.С. Горбачевым была подготовлена новая книга «Перестройка — испытание жизнью», ориентированная в первую очередь на западную аудиторию, однако в свет работа не вышла. Как отмечал А.С. Черняев, оптимизм, которым была пронизана книга, оказался уже тогда неуместным [60, с. 179].

Утверждение приоритета общечеловеческих ценностей над классовыми привело к постепенному изъятию из советского политического лексикона упоминания о необходимости во внешней политике следовать принципу социалистического интернационализма, а это, в свою очередь, сделало возможным не только признание, но и утверждение принципа *свободы выбора*, который стал

важнейшим элементом политики «нового мышления». Формально руководство СССР не оспаривало это и раньше, однако в отношении стран Восточной Европы проводило политику социалистической солидарности. Она была основана на представлении о единстве национальных и интернациональных задач трудящихся, предполагала взаимную поддержку коммунистических партий и государств. «Помощь» допускала и использование вооруженных сил в тех случаях, когда возникала угроза «социалистическим завоеваниям» (в Венгрии в 1956 г., Чехословакии в 1968 г.; в 1980 г. СССР рассматривал возможность военного вмешательства в связи с обострившейся обстановкой в Польше). С приходом к власти М.С. Горбачева началось постепенное переосмысление такого подхода.

На встречах с руководителями государств — участников ОВД 13 марта и 26 апреля 1985 г. советский лидер подчеркнул, что отношения друг с другом необходимо выстраивать на независимой, равноправной основе, без вмешательства во внутренние дела. Каждый должен сам нести ответственность за принимаемые им решения [17, с. 211]. Однако такое заявление не выходило за рамки привычной советской риторики.

22—23 октября 1985 г. в Софии прошло закрытое заседание членов Политического консультативного комитета стран ОВД, где М.С. Горбачев выступил с весьма неортодоксальным для того времени рассуждением о том, что СССР уважает независимость коммунистических партий и выступает за расширение самостоятельности своих партнеров из Восточной Европы. Он заявил, что «доктрина Брежнева» больше «не работает»: никакой коллективной ответственности, никакого ограниченного суверенитета нет. Каждая страна и каждая партия должны сами отвечать за свою политику перед собственным народом и опираться прежде всего на собственные силы [60, с. 59]. Более подробно на эту тему М.С. Горбачев высказался в специальной записке от 25 июня 1986 г., подготовленной для обсуждения на Политбюро. В ней он утверждал, что пора «братским странам перестать рассматривать Москву как некую консервативную силу, которая мешает назревшим преобразованиям. Внося те или иные коррективы в практику социалистического строительства, некоторые наши союзники делали это с оглядкой, опасаясь услышать своего рода начальственный окрик. Вместо того чтобы сообща обсуждать актуальные проблемы развития социализма, мы нередко брали на себя функцию единственных хранителей и защитников марксистско-ленинского учения, при этом судили обо всем со своих позиций, недостаточно учитывая новизну проблем и специфику братских стран, не присматриваясь по-на-

стоящему серьезно и уважительно к их поискам». Эта мысль была отражена в специальном постановлении ЦК КПСС от 28 августа того же года, в котором отмечено, что «формы отношений между социалистическими странами пришли в противоречие с потребностями жизни», поэтому нужно «в случаях расхождений внимательно изучать причины их возникновения, настоятельно искать взаимоприемлемые решения, опираясь на методы идейно-политического влияния и избегая директивности, нажима, назидательности» [30, с. 25].

В дальнейшем линия на расширение самостоятельности была конкретизирована. В различных заявлениях и документах советское руководство неоднократно подчеркивало право государств на экономическую и политическую независимость, что к февралю 1988 г. переросло в признание свободы социального и политического выбора для каждого народа, каждой страны [51, 19.02.1988]. В марте 1988 г., выступая в парламенте Югославии, М.С. Горбачев уточнил, что народы имеют право на социально-экономический выбор [51, 17.03.1988].

О «равноправном участии всех государств в обсуждении и решении любых международных проблем, особенно тех, которые затрагивают их непосредственные интересы», было заявлено и в подписанной тогда же советско-югославской декларации [8, с. 7—9]. В мае 1988 г. М.С. Горбачев при ответе на вопрос американских корреспондентов о перспективах возможного советского вмешательства в дела социалистических государств, которые хотели бы что-то у себя изменить, сказал: «Мы признаем за каждым народом, в какой бы части мира он ни жил, право на социальный выбор и на выбор пути совершенствования своего общества. <...> То, что мы делаем в нашей стране, — это наше дело. <...> Но мы никому не навязываем свои методы развития, совершенствования общества. Это дело каждого». По поводу возможной реакции на события, аналогичные венгерским 1956 г. и чехословацким 1968 г., советский руководитель отметил: «Недопустимо вмешательство с любой стороны» [51, 25.05.1988]. При этом в понимании М.С. Горбачева принцип «свободы выбора» носил универсальный характер и означал право *всех* народов, а не только соцстран, как это часто трактовали западные политики, избирать путь развития без вмешательства извне.

Заключительным аккордом в разработке принципов политики «нового мышления» можно считать выступление М.С. Горбачева в ООН 7 декабря 1988 г. Для советского руководителя это событие, по признанию А.С. Черняева, означало окончательный разрыв с конфронтационными подходами во внешнеполитической стра-

тегии СССР, достижение «точки невозврата» и «необратимости “нового мышления”». Речь М.С. Горбачева должна была по значению превзойти речь У. Черчилля в Фултоне в 1946 г. и стать своеобразным «анти-Фултоном», запустив механизм окончания «холодной войны» [11, с. 131; 60, с. 120].

Центральным в выступлении был вопрос о создании нового мирового порядка на основе всеобъемлющей системы международной безопасности при руководящей роли ООН. Советским лидером был заявлен безусловный приоритет международного права, основанного на общечеловеческих ценностях. Реализуя свои цели, каждое государство, по утверждению докладчика, должно исходить из баланса интересов, а угроза силой не может больше быть инструментом внешней политики. На первый план М.С. Горбачев выдвинул равноправное сотрудничество («сотворчество», «соразвитие»). Борьба идеологий должна быть, по его мнению, выведена за рамки межгосударственных отношений, в военных же доктринах всем странам следует руководствоваться принципом разумной достаточности, а вооружения сократить на взаимной основе.

Признание всех этих принципов открывало возможность широкого международного сотрудничества в различных сферах. Для СССР это означало бы интеграцию советской экономики в мировую, включение в общецивилизационный процесс в качестве его органичного участника. Огромное значение в выступлении было отведено обязательности соблюдения принципа свободы выбора.

Готовность следовать высказанным идеям была подкреплена новыми советскими инициативами. М.С. Горбачев сообщил о сокращении в одностороннем порядке численного состава Вооруженных сил СССР на 500 тыс. человек (около 15% их общего числа) и вооружений на 10 тыс. танков в течение 2-летнего периода; выводе из стран Восточной Европы более 40% советских танковых дивизий и придании структуре оставшихся там соединений оборонительного характера; уменьшении вдоль границы с Китаем численности советских войск [14, с. 184]. Решение об одностороннем сокращении было принято вопреки возражениям военных, которые и до, и после горбачевской речи отстаивали необходимость соблюдения принципа «взаимности» при подходе к таким вопросам [32, с. 302].

На Западе, который был главным адресатом выступления, оно было встречено с интересом и пониманием. В прессе речь М.С. Горбачева сравнивали с «политическим Перл-Харбором», поскольку советскому руководителю удалось одномоментно совершить то, что оказалось не под силу странам НАТО: радикально снизить степень угрозы советских сил. Официальный Вашингтон отреагировал по

обыкновенно сдержанно, назвав данные заявления очередным пропагандистским наступлением Москвы, которое «за счет главным образом риторических украшений создало атмосферу настоящей эйфории», чтобы оказывать давление на Америку [6, с. 17—18, 53]. Однако в экспертных кругах США к тому времени уже сложилось мнение, что «коммунизм начал отступать» по всем направлениям, и предложения М.С. Горбачева об одностороннем сокращении собственных войск еще больше убедили американцев в своей правоте [34, с. 721]. Результатом стало отсутствие ответных крупных (и тем более односторонних) инициатив. В советско-американском диалоге с начала 1989 г. наступила «пауза», вызванная сменой руководства США.

Продолжение следует

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Адамишин А.Л.* Эти лучшие три года // Прорыв к свободе: о перестройке двадцать лет спустя (критический анализ). М., 2005. С. 213—227.
2. *Ахромеев С.Ф., Корниенко Г.М.* Глазами маршала и дипломата: критический взгляд на внешнюю политику СССР до и после 1985 г. М., 1992.
3. *Барсенков А.С.* Введение в современную российскую историю. М., 2002.
4. *Богатуров А.Д.* Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945—1995). М., 1996.
5. *Брутенц К.Н.* Несбывшееся. М., 2005.
6. *Буш Дж., Скоукрофт Б.* Мир стал другим. М., 2004.
7. В Политбюро ЦК КПСС. По записям А. Черняева, В. Медведева, Г. Шахназарова. М., 2006.
8. Вестник МИД СССР. 1991. № 9.
9. Время действий, время практической работы: Сборник материалов о поездке М.С. Горбачева в Красноярский край 12—16 сентября 1988 г. М., 1988.
10. *Горбачев М.С.* Годы трудных решений. М., 1993.
11. *Горбачев М.С.* Жизнь и реформы: В 2 т. Т. 2. М., 1995.
12. *Горбачев М.С.* Избранные речи и статьи: В 7 т. Т. 2. М., 1988.
13. *Горбачев М.С.* Избранные речи и статьи: В 7 т. Т. 3. М., 1989.
14. *Горбачев М.С.* Избранные речи и статьи: В 7 т. Т. 7. М., 1990.
15. *Горбачев М.С.* Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1987.
16. *Горбачев М.С.* Понять перестройку... Почему это важно сейчас. М., 2006.
17. *Горбачев М.С.* Размышления о прошлом и будущем. М., 1998.
18. *Грачев А.С.* Горбачев. М., 2001.
19. *Гриневский О.А.* Перелом. От Брежнева к Горбачеву. М., 2004.
20. *Громько А.А.* Памятное: В 2 кн. М., 1990.

21. *Громыко Анат. А.* В лабиринтах Кремля. Воспоминания и размышления сына. М., 1997.
22. *Громыко Анат. А., Ломейко В.Б.* Новое мышление в ядерный век. М., 1984.
23. Действующее международное право: В 3 т. Т. 2. М., 1997.
24. *Добрынин А.Ф.* Сугубо доверительно. М., 1996.
25. *Дубинин Ю.А., Мартынов Б.Ф., Юрьева Т.В.* История международных отношений. 1975—1991. М., 2006.
26. *Дубинин Ю.В.* Время перемен. М., 2003.
27. За новое политическое мышление в международных отношениях. Документы и материалы. М., 1987.
28. *Загорский А.В.* Хельсинкский процесс. Переговоры в рамках Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. 1972—1991 гг. М., 2005.
29. Иванов: во внешней политике России Европа на особом положении // Известия. 2007. 8 февр.
30. Информационный бюллетень ЦК КПСС (по международным вопросам). 1987. № 7.
31. История внешней политики СССР и России в 1985—1999 гг.: проблемы, решения, результаты. М., 2010.
32. *Капто А.С.* На изломе века. М., 2006.
33. *Квицинский Ю.А.* Время и случай: записки профессионала. М., 1999.
34. *Киссинджер Г.* Дипломатия. М., 1997.
35. *Кокошин А.А.* В поисках выхода: военно-политические аспекты международной безопасности. М., 1989.
36. *Кокошин А.А.* Проблемы обеспечения стратегической стабильности: теоретические и прикладные вопросы / 2-е изд., перераб. и доп. М., 2010.
37. Литературная газета.
38. Материалы XIX Всесоюзной конференции КПСС. М., 1988.
39. *Медведев В.А.* В команде Горбачева. М., 1994.
40. *Млечин Л.М.* Министры иностранных дел. М., 2003.
41. *Мэтлок Дж.* Рейган и Горбачев. М., 2005.
42. *Мэтлок Дж.* Смерть империи: взгляд американского посла на распад Советского Союза. М., 2003.
43. *Ознобищев С.К., Потапов В.Я., Скоков В.В.* Как готовился «асимметричный ответ» на «Стратегическую оборонную инициативу» Р. Рейгана. Велихов, Кокошин и другие. М., 2008.
44. Очерки истории Министерства иностранных дел России: В 3 т. Т. 2. М., 2002.
45. *Панов А.Н.* Россия и Япония: становление и развитие отношений в конце XX — начале XXI в. (достижения, проблемы, перспективы). М., 2007.
46. Перестройка: двадцать лет спустя. М., 2005.
47. Перестройка неотложна, она касается всех и во всем: Сборник материалов о поездке М.С. Горбачева на Дальний Восток 25—31 июля 1986 г. М., 1986.
48. *Петровский В.Ф.* Безопасность в ядерно-космическую эру. М., 1985.
49. *Польнов М.Ф.* Исторические предпосылки перестройки в СССР. Вторая половина 1940-х — первая половина 1980-х гг. СПб., 2010.

50. *Попов Г.Х.* Будет ли у России второе тысячелетие? М., 1998.
51. Правда.
52. *Путин В.В.* Выступление на международной конференции в Мюнхене по вопросам политики безопасности 10 февраля 2007 г. [Электронный ресурс] // Владимир Путин [Официальный сайт]. URL: http://www.v-v-putin.ru/munhen_10-02-2007.html (дата обращения: 12.02.2012).
53. Россия-2000. Современная политическая история (1985—1999 гг.): В 2 т. Т. 1. Хроника и аналитика. М., 2000.
54. *Уткин А.И.* Мировая «холодная война». М., 2005.
55. *Фалин В.М.* Без скидок на обстоятельства. Политические воспоминания. М., 1999.
56. *Цыганков А.П.* Внешняя политика России от Горбачева до Путина: формирование национального интереса. М., 2008.
57. *Червов Н.Ф.* Ядерный круговорот: что было, что будет. М., 2001.
58. *Черняев А.С.* Был ли у России шанс? Он — последний. М., 2003.
59. *Черняев А.С.* Совместный исход. М., 2008.
60. *Черняев А.С.* Шесть лет с Горбачевым. По дневниковым записям. М., 1993.
61. *Шеварднадзе Э.А.* Когда рухнул железный занавес. М., 2009.
62. *Шеварднадзе Э.А.* Мой выбор — в защиту мира и демократии. М., 1991.
63. *Baker J.* The Politics of Diplomacy. Revolution, War and Peace. 1989—1992. N.Y., 1995.
64. *Brown A.* The Gorbachev Factor. Oxford: Oxford University Press, 1996.
65. *Sakwa R.* Gorbachev and His Reforms. N.Y., 1990.
66. *Shultz G.* Turmoil and Triumph. My Years as Secretary of State. N.Y., 1993.
67. Understanding the End of the Cold War. 1980—1987. An Oral History Conference. Brown University. May 7—10, 1998.